

Наташка ворвалась в дверь в обычной своей манере — так, будто кто вытолкнул ее из коридора. Плюхнувшись на свое место в углу, прокрутилась на стуле, разнеся по кабинету специфический, ни с чем не сравнимый запах выкуренной только что сигареты. А может, и двух сигарет. Может, и трех даже. Они там, в дальнем закутке коридора, подолгу стоят, выпуская из себя вместе с дымом все офисные сплетни-новости. Если новостей много, тут одной сигаретой и впрямь не отделаешься. Сегодня с утра, наверное, как раз их много было. Такой уж душок Наташка с собой принесла.

Марина чуть передернулась, чуть поморщилась — она терпеть не могла запаха табака. Но промолчала, как обычно. А что делать? Не читать же девчонке лекций о вреде курения. Все равно не поймет. Еще и рассердится, будет потом пыхтеть целый день да бросать на нее сердитые взгляды из-за компьютера. И нахамить

ВЕРА КОЛОЧКОВА

может, у нее не задержится. Бросит сквозь зубки что-нибудь вроде того: не лезьте в мою личную молодую жизнь. И откуда они этого хамства набираются, нынешние девчонки? Вот она в ее возрасте ничего подобного себе не позволяла. К начальству была почтительной, на работу абы как не одевалась, по курилкам не бегала. Потому и карьеру на фирме сделала. Пусть и небольшую. Как Олег насмешливо говорит, карьерку. Может, он и прав. Не велика карьера — руководить юридическим отделом из трех человек. Тем более основной воз работы она сама на себе тащит. Анна Семеновна, чем ближе к пенсии, тем больше стала на больничных отсиживаться, а с Наташки какой спрос? Даже и поручать ей серьезные дела страшновато. Завалит, не дай бог, а ей потом ответ перед Львом Борисовичем держать. Нет, не выйдет из девчонки толку. Она такой в ее возрасте не была...

Поймав себя на ворчливых мыслях, Марина тряхнула головой, расправила плечи, мельком глянула в просвет вертикальных линейчек жалюзи — июньский занудный дождь и не думал останавливаться, чертил свои грустные кривые на оконном стекле. Погода как осенью. Ждешь, ждешь этого лета, а оно встречает тебя сырым холодом, будто в лицо плю-

Свободна от обязательств

ет. И настроение — под стать дождю. Почти старушечье. Это в тридцать-то восемь лет! А что с ней дальше будет? И на Олега утром успела набрюзжать, когда на работу собиралась. А чего он вечно зеркало в ванной пеной для бритья забрызгивает? Поаккуратнее нельзя, что ли? Да еще и в грязных ботинках потом в комнату прошел, следы на паркете остались. Ну вот, опять она! Нет, надо что-то делать с этим дурацким настроением. Выползть из него как-то. Иначе и впрямь в старуху превратишься.

— Наташ... Там по электронке проект договора от заказчика пришел, посмотри, пожалуйста.

— А чего его смотреть? Он же типовой. Мы такие сто раз делали. Надо распечатывать да на подпись нести, и все дела... — отозвалась Наташа.

— А ты все-таки посмотри. Почитай. Надо каждый документ изучать внимательно, ты же юрист все-таки.

— Ой, Марина Никитична... Ну какая вы, ей-богу!

— Какая, Наташ?

— Слишком уж правильная, вот какая. Каждую бумажку готовы вдоль и поперек изучить,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

а главного не видите. Нет, я прямо не могу, ей-богу! Обидно за вас даже.

— Тебе? За меня? Обидно? — удивленно подняла на подчиненную глаза Марина. — Надо же, какая странная реакция.

— И ничего не странная. Вот мы сейчас с девчонками из маркетинга курили, как раз об этом и говорили.

— О чем? О твоей реакции?

— Да нет. При чем тут реакция? Мы это... Ой, я не могу так! Мариночка Никитична, неужели вы и впрямь... ничего не замечаете? И не видите?

— А что я должна замечать и видеть, Наташа?

— А то, что давно уже все знают и за вашей спиной об этом шепчутся. А мне... Мне обидно за вас. Тут такое, а вы — «договор, договор»... Да бог с ним, с договором этим!

— Ну что ж, говори, коль начала, — улыбнулась ей Марина снисходительно. — Что там за моей спиной страшное происходит? Неужели у меня вместо лопаток крылья выросли? А я и не почувствовала.

— Ага. Давайте еще чего-нибудь пошутите. Какая ж вы наивная, Марина Никитична.

Свободна от обязательств

У вас там не крылья, у вас там огромные рога уже выросли!

— На спине? О ужас, — нарочито округлила глаза Марина. — Не знаю, как это выглядит, но звучит очень даже креативно — рога на спине.

Она рассмеялась весело и старательно, насколько смогла. А что оставалось делать? Не плакать же перед девчонкой в самом деле. Да и причины особой для слез нет. Ну, постояли они в коридоре, посплетничали про Олега. Подумаешь, секрет полишинеля. Да все мужское население фирмы около этой новенькой секретарши кругами ходит! И чего они в ней нашли? Купились на обаяние испуганной лани? Мужички инстинкты проснулись — опекать, защищать и чтоб шубу в грязь и под ноги? А секретарша и впрямь на барышню-лань похожа: тоненькая, голенастая, глазки наивностью промытые. Не секретарша, а сплошное умиление. И Олег туда же — хорохорится перед ней остроумием. А что, действительно, он рыжий, что ли? Ему ж тоже охота пофлиртовать. Тем более ему в этом вопросе труднее всех приходится, потому что жена под боком сидит. Нет, все-таки не зря говорят, что нельзя супругам работать в одном месте. Надо рас-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ходить по утрам по разным коллективам, а по вечерам встречаться за ужином, обмениваться информацией. Такой, какой нужно. Чтоб можно было и приврать слегка.

— Зря вы так, Марина Никитична, — тихо проговорила Наташа, уткнувшись в экран компьютера. Не без горечи, между прочим, проговорила. Стояла за этой горечью обидная бабья жалость. И обидная досада на ее, Марино, легкомыслие. Вроде того — какие ж вы, рогатые женушки, глупенькие, вечно всю правду последними узнаете. Говоришь вам в открытую, а вы смеетесь.

— Ладно, Наташ, работай. Ты, кстати, не знаешь, когда Анна Семеновна с больничного выйдет? — наобум спросила Марина, для того только, чтобы увести опасный разговор в сторону.

— Так вроде сегодня обещала. Я ей звонила вчера домой, она сказала, что придет. Да и мне совсем не хочется ее бумаги ворошить. У нее там все сроки для котировочных заявок проходят.

— Ну раз обещала, значит, придет. Она человек обязательный.

— Ага. А вот вы, если мне не верите, у Анны Семеновны про вашего мужа тоже спроси-

Свободна от обязательств

те. Она тоже в курсе дел! Она даже, между прочим, поговорить с ним хотела и пристыдить, а он...

— Наташа, хватит. Мне этот разговор неприятен. Неужели ты не понимаешь?

— Да я что? Я ничего. Я же как лучше хотела, чтоб вы идиоткой в глазах коллектива не выглядели. Не хотите — не надо.

Поджав пухлые, блестящие от розовой помады губки, Наташа спряталась за монитором, нервно начала возить мышью по столу, демонстрируя свою обиду.

Ничего, пусть. Пусть уж лучше обижается, чем чужую жизнь оценивает. Нет, понятно, что она за свою начальницу искренне переживает, но уж слишком эта ее искренность бесцеремонная. Хотя другой и не бывает, наверное? Если пропускать порывы души через «церемонии», то от настоящей искренности и следа не останется, сплошная интеллигентность наружу вылезет. Пресловутое показное достоинство. Очень, кстати, удобная штука. Можно им прикрыться, как ширмой, можно отшутиться, можно разговор вежливо прекратить по причине его «неприятности», но душу-то этим все равно не спасешь. На душе-то кошки скребут, да еще какие. Она ж тоже не слепая, она тоже

ВЕРА КОЛОЧКОВА

видит и чувствует, что в ее семье происходит. Большое что-то назревает, неладное. Как ни убеждай себя, что все это чушь и ерунда, как ни списывай все на мужнин возрастной сорокалетний кризис, а назревает. А как не хочется, чтоб назревало! Где бы песочку тепленького побольше раздобыть да голову в него постраусиному спрятать, чтоб отсидеться?

Марина незаметно вздохнула, отметив про себя, что вздох получился совсем уж тревожный какой-то. Старушечий. Нет, хватит уже! Чего она боится в самом деле? Надо обязательно сегодня вечером с Олегом поговорить. Причем основательно так поговорить, со слезами и упреками. Можно и с истерикой даже. И аргументы для истерики у нее теперь есть — сотрудники уже в открытую пальцем тычут... Надо, надо поговорить. Если он домой не за полночь придет, конечно. А хотя бы и за полночь! Тоже, выдумал себе легенду: к маме на дачу он ездит. И ведь не проверишь, не поймаешь за руку! Вероника Андреевна, драгоценная свекровушка, так отошьет, если она вздумает проверками себя унижить, что мало не покажется. Она ее с первых лет замужества к этому приучила — не унижать себя ревностью. Приучить-то приучила, а сама змеей из-

Свободна от обязательств

вернется, а сыночка своего прикроет. Ханжа старая. Фу, как противно. И зачем она приняла эти ее дурацкие правила, именуемые «женским достоинством»? Мужа на глазах уведут, а она только и делает, что барахтается в этом достоинстве. Нет, все, хватит. Сегодня она свою свекровушку прижмет. Обязательно до нее дозвонится и попросит... Нет, не попросит! Не попросит, а именно потребует, чтобы передала мобильник сыночку, который якобы ее навестил по причине случившегося сердечного недомогания. А на ее презрительное «фи, Мариночка» так ответит... Так... А как она ответит?

— Ой, Мариночка, простите ради бога за опоздание.

Вздвогнув, Марина вынырнула из предполагаемого диалога со свекровью, улыбнулась шумно вошедшей в кабинет Анне Семеновне. От Анны Семеновны всегда почему-то исходило много шума. Может, потому, что была она большой, толстой и одышливой, и говорила много, и шуршала плащом, и устраивалась на крутящемся стуле долго и основательно, и со стоном наклонялась, чтобы расстегнуть «молнию» на ботинках и потом сунуть ноги в растоптанные туфли на низком каблуке.

— ...Представляете, сейчас такую очередь в

ВЕРА КОЛОЧКОВА

регистратуру выстояла! Просто ужас. Я им говорю, мне только больничный зарегистрировать да печать поставить, так нет, не пропускают! Так плохо себя чувствую, Мариночка, если б вы знали. Меня участковая наша никак не хотела выписывать, да я настояла. Думаю, как вы тут одна справитесь...

— Почему это — одна? А я что, не в счет? — обиженно пробурчала со своего места Наташа, не отрывая взгляда от монитора.

— ...Давление у меня так и не снизилось, представляете? — проигнорировав Наташину реплику, продолжала пыхтеть Анна Семеновна. — Как наклонюсь, сразу в глазах будто песок горячий перекачивается.

— А вы не наклоняйтесь. Ходите себе прямо, — снова встряла Наташа в поток ее жалоб.

— А тебя не спросила, советчица сопливая, — беззлобно повернулась к ней Анна Семеновна. — Чего это ты взъерошенная такая сегодня? Поссорились вы тут без меня, что ли?

— Нет. Не поссорились. Так. Поговорили просто, — бросила ей Наташа.

— О чем это?

— Да все о том же. Вы сами знаете, о чем. А она не верит.

Свободна от обязательств

— А... Понятно.

Анна Семеновна замолчала, сложила пухлые ладошки в замок и, покачивая головой, стала оглядывать Марину, словно примериваясь, с какого боку ее укусить.

— Наташ, выйди-ка на минутку, — коротко приказала она девушке.

— С чего бы это? — строптиво повернула к ней голову Наташа.

— Да ни с чего. Просто мне с Мариночкой поговорить надо.

— А я вам что, мешаю?

— Мешаешь. Иди, Наташенька. Там в буфете как раз свежие эклеры привезли, я видела, когда мимо проходила. С белковым кремом. Ты же их любишь, я знаю. Иди, чаю попей.

— Тогда я уж лучше покурю пойду... — Вздохнув, Наташа поднялась со своего места.

— Ну, если ты полагаешь, что это большее удовольствие, чем есть эклеры, тогда конечно.

— Да. Именно так я и полагаю, — в тон ей ответила Наташа, мило оскалившись уже в дверях. — А эклеры свои сами ешьте. Мне нельзя, я фигуру берегу. А вам можно, вам в этом смысле терять нечего.

— Нет, вы посмотрите на нее, Марина! — то ли насмешливо, то ли возмущенно прого-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ворила Анна Семеновна, когда за Наташей закрылась дверь. — Прямо на каждом шагу обхамить готова! И где у нас с вами глаза были, когда мы третьего юриста на работу брали? Целый кастинг устроили, а приняли бог знает кого. Ни ума, ни старания, ни способностей особенных. И ведет себя нагло. Вы не помните, чем она нас взяла, эта Наташка?

— Нет. Не помню. Да нормальная в принципе девчонка. Просто молодая еще. Со временем обтешется. Так о чем вы со мной поговорить хотели, Анна Семеновна? Только покорооче, пожалуйста, у меня работы очень много.

— Ну да, ну да. Ой, даже не знаю, как вам и сказать, Мариночка. Тут дело такое, щекотливое очень.

— Это вы про Олега, наверное?

— Ой, так вы уже знаете, да? А то ведь у нас как... Жены всегда все узнают последними.

— Что узнают, Анна Семеновна? Что такое особенное я должна узнавать? Что Олег ухаживает за Настей? Ну да, ухаживает. Так и пусть себе на здоровье. На то он и мужчина, чтоб обращать внимание на красивых молодых женщин. Он в евнухи не подписывался, в конце концов! И вообще...

— Да вы не сердитесь, Мариночка. Я пони-

Свободна от обязательств

маю, как вам сейчас гадко. Давайте лучше вместе подумаем, что в этой ситуации можно сделать, чтобы...

— Анна Семеновна, я не собираюсь ни с кем обсуждать свои семейные проблемы. Извините, если я сейчас груба с вами. Я как-нибудь сама разберусь.

— Ну вот, обиделись! Я ж вам добра хочу, я же абсолютно искренна с вами! Не хорохорьтесь, Мариночка. В данной ситуации лучше проговаривать проблему. Как выражается мой муж, «надо бить гордыню кулаком в темечко».

— Нет. Я сама разберусь. Спасибо за участие, — холодно отрезала Марина, отвернувшись к окну. Дождевые капли по-прежнему вяло ползли по стеклу, перетекая одна в другую, постепенно утолщаясь и образуя в конце довольно шустрые ручейки, похожие на обильные слезы.

— Ну что ж, смотрите, — помолчав, сухо произнесла Анна Семеновна, — сами так сами. Только как бы уж поздно не было разбираться-то. Вы хоть в курсе, что у них все уже далеко зашло? Очень далеко?

— Я — нет. А вы, стало быть, в курсе?

— Так не я одна. Вот уж месяц, как все только об этом и говорят. Их же все время ви-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дят вместе в городе. А Валентина Петровна из бухгалтерии как-то с отчетом задержалась, пошла домой совсем поздно, а они в приемной...

— Хватит, Анна Семеновна! Мне все понятно. Можете не продолжать.

— Нет, но это же невозможно, Мариночка! Вы что, действительно ничего не замечаете? Слепли и оглохли? Он же уже все грани дозволенные перешел! Я сейчас через приемную проходила, он опять около нее торчит. И ведь даже не соизволил приличное выражение лица в мою сторону сделать! Так на эту Настю смотрит, что... Мне даже неловко стало, ей-богу. Бессовестный! Прямо при живой жене.

— Да. Уж извините, умирать мне пока не хочется.

— Так и я про то же. Нет, мне все-таки интересно... Неужели вы и впрямь ничего не замечали? Или притворяетесь? А, Мариночка?

Марина улыбнулась затравленно, пытаясь уложить в себе полученную информацию. Ту самую информацию, которая бродила вокруг нее неприкаянно и была лишь неприятной тенью — до сегодняшнего дня. Тенью, от которой можно было отмахнуться. Потому что она злая, липкая и противная. Испуганный разум так и шептал: отмахнись. Не надо, мол, знать

Свободна от обязательств

о том, о чем знать не хочешь. Совершенно дурацкая позиция. Как будто она, эта позиция, ей аванс посулила — авось пронесет, само по себе рассосется, в раковую опухоль не материализуется. Черта с два, не материализуется! Кого этой позицией обмануть можно? Саму себя разве?

— Ну, что вы молчите? Если не верите, так сами сходите и посмотрите. Наверняка ваш муженек до сих пор там торчит, в приемной. Он же не думает о том, что вас на весь свет ославил. Что у вас тут должность, авторитет, зарплата высокая. Стоит, смотрит на нее, как влюбленный тетерев. А она глазки вскинула, улыбается, трепещет вся. Тьфу, противно! Куда вы, Мариночка?

Марина и сама не поняла, что произошло. Ноги сами понесли ее к выходу из кабинета. Да что такое происходит в самом деле? Она что, и впрямь посмешищем для всех стала? Объектом для сплетен в курилках, объектом для жалости? Возмущение захлестнуло ее полностью, будто окатило сверху ледяным душем. Так бывает со многими людьми: терпят, терпят до последнего, делают распрекрасную мину при плохой игре, а потом вдруг — раз! — и взорвутся праведным негодованием. И грудью

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вперед, и плечи назад, и подбородок вверх — мы гордые, мы не такие! И вообще с нами так нельзя!

Олег действительно был в приемной — стоял к Марине спиной, упершись руками в Настин большой стол. На секунду выплыло из-за Олеговой спины Настино счастливо-обалдевшее лицо и тут же спряталось обратно. И Олег распрямылся, развернулся к Марине всем корпусом, уставился виновато и одновременно набычившись. Удивительно даже, как это у него на лице все совместилось — и виноватость, и злость. А Настино лицо стало, наоборот, очень испуганным. Хорошенькая головка будто в плечи ушла, одни ушки маленькие торчат, разве что руки не выставила навстречу для защиты. Не зря, наверное, испугалась. Надо полагать, вид вошедшей в приемную законной жены был для нее сейчас страшнее статуи Командора. Хотя самой Марине казалось, что держится она с прежним равнодушным достоинством. Только голос слишком уж надрывно и неистово прозвучал, будто скрипичная струна лопнула:

— Олег. Выйди на минуту. Поговорить надо.
Развернувшись, она вышла в коридор, вста-

Свободна от обязательств

ла у окна, сцепив руки под грудью. Олег подошел, глянул сердито:

— Скандала хочешь? На работе? Что, нельзя дома поговорить?

Опять в его голосе эта смесь — злости и виноватости. И немного раздражения. Кто бы мог подумать, что ее муж способен на такие эмоции! Всегда ровный, всегда приветливый, всегда улыбающийся. Сорокалетний маменькин сынок, не умеющий себе брюки погладить самостоятельно. Ничего не требующий от судьбы баловень, застрявший в рядовых менеджерах неудачник. Туда же — любви захотелось, высоких чувств-с.

— Дома можно, конечно. Как раз сегодня собиралась. Объясни, что происходит, Олег?

— А сама не видишь, что происходит? Не чувствуешь, что я давно разлюбил тебя?

— А мне некогда, знаешь ли, ежедневно в чувствах своих копать. На работе дел полно, дома тоже сиднем не сижу. Двадцать лет уже тебя обихаживаю, так что...

— Это что, упрек? Теперь скажи, что ты в дом денег приносишь в два раза больше. Ну, давай, давай.

— Да не хочу я ничего такого говорить, Олег! Я просто хочу знать, что происходит.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А я тебе уже сказал. Я разлюбил тебя.

— Так. И дальше что?

— Понятно что. Ухожу, значит. Вечером вещи соберу. Или ты мне их сама соберешь?

— Вещи? Какие вещи? А... Ну да. Уходишь, значит. Ага... Понятно...

Она стояла, смотрела на него во все глаза. Будто ждала, что он рассмеется собственной неудачной шутке. Вся злость и досада ушли из нее разом, остался один только страх перед наплывающей на нее холодной действительностью. И паническое сиюсекундное ожидание, трепыхание последней надежды: может, все-таки мимо пронесет? Она ничего не слышала? Он пошутил? Со злости ляпнул?

— Ну? Чего ты молчишь? Вещи соберешь, спрашиваю? — резко переспросил муж, ткнул вопросом, как острой пикой в грудь.

— Что? Вещи? Ну да... То есть нет. Сам собирай, конечно.

Развернувшись, она пошла от него по коридору в сторону своего кабинета, изо всех сил стараясь держать спину прямо. Вот идти бы и идти так, никуда не заходя. В пространство, в неизвестность, где ее никто не знает. И за спиной никто не шепчется. И советов бабьих не дает. И не сочувствует. Надо же, как

Свободна от обязательств

за один день все скрутилось — как снежный ком. Еще с утра, как говорится, ничего не предвещало. Все было в своей обычной колее: муж, дом, завтрак, следы от пены для бритья на зеркале в ванной. И не было никакого снежного кома внутри, будь он неладен. Сейчас еще и таять начнет, растекаться по организму грязными ручьями.

Перед дверью своего кабинета Марина остановилась и даже ладонь отдернула от дверной ручки. Представилось сразу, какими глазами посмотрят на нее Наташа с Анной Семеновной. Надо ведь им будет сказать, что она... Что Олег... Нет, это невыносимо, в конце концов. Зачем, зачем она притащила его с собой на эту фирму? Уж лучше бы сам себе чего-нибудь подыскал, когда во время того кризиса, еще девяносто восьмого года, без работы остался. А теперь что ей делать? Ежедневно наблюдать, как бывший муж строит свое новое счастье с секретаршей Настей? Ну это уж нет, это уж дудки.

Решительно открыв дверь, Марина с гордо поднятой головой быстро прошла к своему столу, придвинула к себе телефон. Потом нахмурила лоб, вспоминая номер. Господи, какой же это номер? Мысль позвонить Петру

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Алексеевичу Незнамову, директору фирмы-заказчика, который был у Марины буквально вчера и жаловался на отсутствие хорошего юриста, возникла у нее буквально на ходу. Будто искоркой в голове вспыхнула. Марина даже развивать ее не стала, просто ухватилась как за спасительную соломинку. Если повезет, она сегодня же уйдет отсюда. Прямо сейчас уйдет!

— Анна Семеновна, вы случайно не помните номер телефона Незнамова?

— Это который директор «Кронверка»? Представительный такой?

— Ну да.

— Нет, не помню.

— Так в договоре же есть, в реквизитах... — лениво подсказала со своего места Наташа. — Откройте договор да посмотрите.

— Ах да, чего это я... — тут же встряхнулась Марина, глянув на Наташу с благодарностью.

Дрожащими руками, выудив из нужной папки договор, она впиалась глазами в последнюю страницу. Есть! Есть телефон. Так, теперь набрать, улыбнуться заранее, чтоб голос получился спокойным и приветливым.

— Девушка, милая, соедините меня, пожалуйста, с Петром Алексеевичем, — душевно

Свободна от обязательств

обратилась она к секретарше. — Это очень срочно.

— Как вас представить? — дежурно отреагировала на ее душевность секретарша.

— Меня зовут Марина Никитична Леонова, я начальник юридического отдела фирмы «Стройинвест».

— Минутку.

Марине показалась эта минутка вечностью. Будто жизнь ее зависела от этой самой минутки. Будто поговорить с Петром Алексеевичем в другое время никак нельзя было. В конце концов, можно было и просто так уйти, в никуда. Что для нее, работы никогда не найдется, что ли?

— Здравствуй, Мариночка Никитична! — зазвучал наконец на том конце провода радостный начальственный баритон Петра Алексеевича. — Что-нибудь у нас не так с договором? Вроде мы вчера к полному взаимопониманию пришли.

— Да все так с вашим договором, Петр Алексеевич. Я вам совсем по другой теме звоню. Вы вчера обмолвились, что страдаете без хорошего юриста.

— Ну да... Есть такое дело. Идет по конкурсу, понимаешь ли, шелупонь всякая безгра-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мотная. А что, у тебя на примете есть кто? Чего звонишь-то?

— Нет. Нету у меня никого на примете. Я вам свою кандидатуру хочу предложить. Как, возьмете меня на работу?

— Ой, да с удовольствием, моя ты хорошая! Даже за честь почту! Только у меня, ты же знаешь, командовать некем будет. А у тебя вроде целый отдел в подчинении.

— Ничего страшного. Да я и не люблю никем командовать. Ну так что, договорились, Петр Алексеевич?

— Договорились. А когда ты выйдешь?

— Да хоть завтра.

— Завтра? Ну что ж, замечательно. А тебя Лёва отпустит вот так, сразу?

— Да. Я думаю, Лев Борисович меня отпустит. По крайней мере, я его об этом очень попрошу.

— Даже так?.. У тебя что-нибудь случилось, Мариночка? Странная какая-то срочность. Ты учти, если надо, я и подождать могу.

— Нет. Не надо ждать. Я завтра утром к вам приду.

— Хорошо, жду.

Марина положила трубку, выдохнула из себя весь воздух, как после тяжелой спортивной

Свободна от обязательств

нагрузки. Вот так, одним махом, взяла и перечеркнула пятнадцать последних лет рабочей жизни. Она ведь на эту фирму пятнадцать лет назад пришла, сопливой еще выпускницей института. Моложе Наташки была. Вместе со Львом Борисовичем они все тогда начинали. С нуля. С первых документов, с трудностей регистрации, с открытия счета в банке. Ладно, бог с ним. Не надо жалеть. Надо бежать, бежать отсюда.

Рука у нее все-таки дрожала, когда она писала заявление об уходе. Пара строчек на чистом листе бумаги смотрели куда-то вбок и вниз, будто слезами плакали. Или правда кто-то плачет? Или ей так кажется?

Подняв голову, Марина увидела прямо перед собой расквашенное полное лицо Анны Семеновны. Даже не почувствовала, когда та подошла к столу. Губы у женщины тряслись, глаза сверкали, переливаясь застывшими в них слезами. Из-за спины Анны Семеновны выглядывала Наташа — личико тоже расстроенное, бровки стянуты в одну ниточку.

— Мариночка... Мариночка, ну зачем же вы так? Не надо, не увольняйтесь, — жалобно проговорила Анна Семеновна и даже руку протянула, пытаясь вырвать у Марины из-под

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ладоней листок с заявлением. — Вот вы уво-
литесь, и меня погонят отсюда, к чертовой
матери. А мне до пенсии еще полтора года
осталось.

— Да никто вас не погонит, Анна Семенов-
на, чего вы... — улыбнулась ей виновато Ма-
рина.

— Ага... А помните, как два года назад бы-
ло? Я тогда два месяца подряд на больничном
была. Помните, как вы из-за меня с Львом Бо-
рисовичем ссорились?

— Не бойтесь, Анна Семеновна. Никто вас
никуда не погонит. В конце концов, права не
имеют. Вы ж сами знаете.

— Да кто бы еще с нашими правами здесь
считался?! Заставят, и напишешь заявление, как
миленькая. Не увольняйтесь, Мариночка, про-
шу вас. Ну не стоит ваш Олег такой жертвы.

— Да. Не стоит, конечно. Да это и не жер-
тва никакая, просто... Просто не смогу я здесь
работать. Тяжело мне будет. Поймите меня
правильно.

— Мариночка Никитична, и правда, не на-
до вам увольняться... — заняла совсем по-дет-
ски Наташа. — Да ну его, этого вашего мужа,
мы вам еще лучше найдем. Вы не думайте, тут

Свободна от обязательств

все на вашей стороне! Все за вас переживают, а его, наоборот, осудили.

— Так вот чем вы в курилках на самом деле занимаетесь! — неуклюже попыталась разрядить слезную обстановку Марина. — За меня, значит, переживаете? Ну, спасибо. А я думала, вы там курите.

— Ой, ну хотите, я вообще курить брошу, Мариночка Никитична? Вот прямо с сегодняшнего дня и брошу? Хотите?

— И очень правильно сделаешь! — грустно рассмеялась Марина, вставая из-за стола. — А то несет от тебя вечно табачищем, как от мужика-ханьги. Позволь мне пройти, Наташ...

Слегка отодвинув вставшую перед ней девушку, Марина решительно вышла из кабинета, процокала каблуками в сторону приемной, стараясь не торопиться. Пусть все будет медленно и с достоинством. Пусть не думают, что она будет бежать отсюда, как нервная оскорбленная брошенка, уливаясь на ходу слезами. Не дождутся. И так помыли ей тут косточки порядочно за последнее время.

Секретарша Настя подняла на нее перепуганные оленьи глаза, глянула умоляюще, будто Марина ее бить собралась. За что тебя мне бить, милая девочка? Видно же, что ты и не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

виновата ни в чем. Ну, влюбилась в женатого, подумаешь. С кем не бывает. На то и молодость дана, чтобы влюбиться без ума в кого-нибудь. Пусть хоть и в Олега. Любовь, как говорится, зла. Нет, это она не к тому, что он козел, конечно... В него и впрямь можно влюбиться. Веселый, ухоженный, хорошо пахнущий, язык удачно подвешен. Ладно, живите.

— Лев Борисович у себя? — кивнула Марина в сторону кабинета начальника.

— А что? Да... Да, конечно, у себя, — торопливо заговорила Настя. Слишком торопливо. Марине так и хотелось ей сказать: да не бойся, не вцеплюсь я в твои красивые белобрысые волосы. Цела твоя прическа останется.

— Лев Борисович, я на минуту. — Держа перед собой листок с заявлением, Марина шагнула к столу начальника.

— Давай... Что там у тебя? Ага... Так... Понятно...

Лев Борисович вздохнул тяжело, устало стащил с носа красивые фирменные очки. Поморгал, потер лицо пухлыми белыми руками и, водрузив очки обратно на нос, уставился на Марину сердито:

— Ну? И чего, спрашивается, ты психуешь?

Свободна от обязательств

Ну, загулял мужик... А ты поддай ему под зад хорошенько, чтоб на месте сидел, и все дела.

— Ага. Поддам, и он тут же меня обратно полюбит. Хороший выход.

— Ишь ты... А тебе, значит, любовь подавай, да?

— Так хотелось бы.

— Слушай, Марин... А ты помнишь, как я со своей Лизой пять лет назад разводился? Помнишь? Тоже в секретаршу свою влюбился, дурак.

— Помню, Лев Борисович.

— Ну? И чем все это закончилось, помнишь? Повлюблялся годок, а потом назад к Лизавете приполз. На коленях перед ней стоял, чтоб обратно приняла. И всю молодую любовь как рукой сняло. И твой тоже приползет, помяни мое слово.

— Не знаю, Лев Борисович. Может быть. А заявление мое все-таки подпишите.

— Нет. Не подпишу. Мне проще, дорогая моя, твоего благоверного... То бишь теперь уже не совсем благоверного взащей прогнать вместе с этой девчонкой, чем... Что я себе, другую секретаршу не найду? Хотя эту жаль будет, она очень толковая. Ну что, давай я с

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ними побеседую, чтобы проваливали оба отсюда? А?

— Нет. Я не хочу, Лев Борисович. Все равно я здесь уже не останусь. Ну не смогу я! И так уже на последнем нерве держусь. И вообще... Не надо ничего говорить, Лев Борисович. А то заплачу сейчас.

— Ну что ж, я понимаю. Ты женщина тонкая, чувствительная, тебе тяжело среди этих сплетен. Ладно, будь по-твоему. Хотя я бы плюнул на твоём месте! Может, плюнешь, Марин?

— Нет. Не плюется что-то.

— Ну что ж... Может, тебе с работой помочь?

— Нет. Я уже нашла себе работу. Я к Незнамову ухожу, в «Кронверк».

— Ага. Он хороший мужик, ты с ним работаешься. А мне тебя жаль будет. Если подумаешь обратно... Ну мало ли! Я тебя сразу возьму.

— Спасибо, Лев Борисович. Я буду иметь в виду. Мне тоже очень жаль.

— Да ладно! — сердито махнул он на нее рукой. — Сама обездолила, а теперь ей жаль, смотрите-ка. С кем теперь мне работать? Со старухой этой, которая по полгода на боль-

Свободна от обязательств

ничных сидит? Иль с соплюхой, которая толком ничего не знает?

— Они справятся, Лев Борисович. Честное слово, справятся. Если что, мне позвонят, я им все расскажу.

— Ладно. Давай хоть на посошок по сто граммов, что ли? С лимончиком?

— А давайте! Как раз сто граммов мне сейчас и не хватает.

* * *

Марина уже долго гуляла по городу, никак не решаясь пойти домой. Ноги не несли. Что там делать, дома? Смотреть, как Олег складывает свои рубашки в чемодан? Просто классическая киношная ситуация: муж уходит из семьи. А жена сидит на диванчике, вся горестная такая, следит за его передвижениями по комнате. Нет уж, увольте. Хотя на холодном ветру тоже не легче. И в кафе сидеть за чашечкой кофе — тоже не легче. Хорошо, что Машки дома нет. Уехала к морю на все лето. А она еще отпускать ее не хотела! Не любила она отпускать дочь в чужие люди. Оно понятно, что с подружкой уехала, к подружкиной бабушке, и все же... Нет, все-таки хорошо, что Машка

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не увидит всего этого. А потом... Потом она объяснит ей как-нибудь. Машка умная не по годам, на лету все схватывает и истерик по поводу папочкиного ухода устраивать не будет. Хотя... Кто его знает, как она на все это реагирует? Надо бы Олега предупредить, чтоб не говорил ей пока ничего, если Машка ему позвонит.

Марина втянула в себя сырой воздух, остановилась на мосту, стала глядеть на темную воду внизу. Нет, шальных мыслей броситься вниз головой у нее как раз не было. Кто она, обманутая беременная девушка, что ли? Нет, вовсе нет. Просто пришла перемена жизни, вот и все. Другая волна. Так со всеми бывает. Конечно, от этой волны не легче. Конечно, захлестнула. Больно, горько, нестерпимо. Кажется, не пережить. Когда от мамы папа уходил, сколько ей тогда лет было? Столько же, сколько Машке сейчас, шестнадцать? Мама так убивалась, вспомнить страшно. Все плакала и говорила, говорила и плакала до бесконечности. А она слушала, понимая, что должна слушать, должна принять в себя часть маминой боли. Потому что слушать и принимать боль может только близкий от близкого. Ни одна подруга, даже самая лучшая, этого не су-

Свободна от обязательств

меет. Да и не было у мамы таких подруг. Она скрытная была, гордая. Дома на кухне выла белугой, а к людям выходила с улыбкой. Чтоб никто, не дай бог, не догадался да жалеть не начал. Выходит, и она такая же — вся в маму. Даже с работы ушла. Только ей в отличие от мамы биться головой не в кого. Нет, хорошо, что она Машку отпустила, а то бы тоже соблазнилась. А за два месяца она как раз успеет настроиться на новую жизнь.

Черт, как холодно! Даже зубы стучать начали. А может, они не от холода, а от горя стучат? Пора домой. Интересно, сколько времени надо уходящему из семьи мужу, чтобы собрать чемодан?

Олег был дома. Пил чай на кухне. Две пухлые спортивные сумки стояли в прихожей, сиротливо прижавшись друг к другу, словно не хотели покидать насиженное годами место. Марина присела на скамеечку, стянула с ног мокрые ботинки, надела смешные меховые Машкины тапочки в виде двух Микки-Маусов. Хорошо. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Микки-Маусы легкомысленно улыбались, ничуть не понимая важности и трагичности момента. Сейчас мужчина, отец их хозяйки, допьет свой чай, подхватит сумки и уйдет из

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дома навсегда, навеки. Марине вдруг нестерпимо захотелось завывать по-бабьи, броситься к Олегу на шею с рыданиями: не уходи, милый, не бросай меня. Черт его знает, может, и правда надо так сделать. Может, потом она и пожалеет, что не бросилась. В конце концов, она же всего лишь женщина, обыкновенная, по сути, клуша, прачка и кухарка, бегающая по дому с тряпчочкой и пылесосом. И обед в холодильнике всегда есть, и рубашки мужнины настираны да наглажены, и в доме уют. Хорошая жена. Порядочная. Честная. Аккуратная. Только брошенная теперь, как выяснилось.

— Марин... Ты чего там сидишь? — послышался из кухни неуверенный голос Олега. — Иди сюда, мне с тобой обсудить кое-что надо.

— Сейчас. Иду. Я замерзла. Сейчас немного согреюсь и приду. Включи чайник, пожалуйста.

— Так он только вскипел. Тебе налить?

— Да, будь добр.

— А может, ты поешь хочешь? Я разогрею.

Ого. Это уже что-то новенькое. Он ей ужин собрался разогревать! Это ж надо, как дело обернулось. Надо было ждать столько лет, чтобы муж о ней так позаботился. Совесть, что ли, замучила? Или жалко бросать такую хоро-

Свободна от обязательств

шую жену с уютом, с чистыми рубашками? Неужели оценил напоследок?

— Нет. Ужина не надо. Я потом сама себе разогрею. В одиночестве, — заявила Марина насмешливо, стоя в дверях кухни. — Говори, что ты хотел со мной еще обсудить. Если ты о Машке беспокоишься, так я пока решила ей ничего не сообщать. Пусть отдыхает спокойно. И ты ни о чем не рассказывай.

— Ага... И правда, не надо. Пусть отдыхает. Только я не о Машке хотел.

— Да? А о чем тогда?

— Ну, в общем... Ты не дашь мне немного денег? Ну... Как бы займы?

— Так займы или «как бы»? — грустно хохотнула Марина, уставившись на мужа удивленно. Надо же. Он в такой ситуации еще и денег у нее просит!

— Пусть будет займы.

— Сколько?

— Тысяч двадцать. Хотя бы на первое время.

— Двадцать? Нет, не дам.

— А сколько дашь?

— Нисколько не дам.

— А зачем тогда спрашиваешь — сколько?

— Да так. Из вредности. Считай, что это

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вместо слез и истерик. Компенсация такая. Понял?

— Понял. Ну, я тогда пошел?

— Иди.

— А ты больше ничего не хочешь мне сказать? Все-таки почти двадцать лет вместе прожили, без малого хвостика.

— Нет. Не хочу. Хотя могла бы.

— Так скажи!

— Слушай, пошел ты к черту! — вдруг резко повернулась к нему Марина. — Давай вали быстрее отсюда!

— Ну, зачем так грубо?.. Я же ни в чем перед тобой не виноват, Марин. Я просто полюбил другую, понимаешь? Тут никто не виноват. А тебя... Тебя я тоже по-своему люблю. По привычке, что ли... Как близкого человека. Я думал, мы посидим, поговорим, я расскажу тебе все. Давай не будем вот так расставаться, Марин? Чтоб врагами. Если хочешь, я буду к тебе приходить.

— Зачем? Хвостик по кусочку отрезать?

— Какой хвостик?

— Ну, это притча такая. Хозяин очень жалел свою кошку и отрезал ей хвостик по кусочкам, чтобы ей не очень больно было.

Свободна от обязательств

— Где-то я это уже слышал... Совсем недавно...

— Да. Слышал. Так героиня Неёловой говорила из фильма «Осенний марафон». Вчера ночью показывали по телевизору. Ты как раз домой пришел... — Тихо уточнила Марина, подойдя к окну.

— А... Ну да. Черт, я и не знал, что так тяжело расставаться придется. Ладно, пошел я.

— Ага. Иди.

— Слушай, Марин... А если бы я передумал?.. Ты бы смогла меня простить?

Ее будто током дернуло, так захотелось закричать ему в ответ: «Да, да! Конечно, простила бы! С кем не бывает! Сорок лет, мужской кризис, необходимость в самоутверждении, в черте с рогами». Она даже уже воздуху в грудь набрала, повернулась от окна... Но сказать ничего не успела. Просто увидела его лицо. Трусливое, но довольное. Сволочь... Он же все по ее глазам понял! Удостоверился лишний раз, что у него выбор есть. А когда есть выбор, всегда легче.

Лихорадочно сглотнув все рвущиеся наружу слова, она лишь просипела сдавленно:

— Уходи, Олег. Уходи быстрее, не доводи

ВЕРА КОЛОЧКОВА

до греха. Я ведь и убить могу сгоряча. Вот, сковородкой хотя бы. Хочешь?

Для достоверности она даже схватила сковородку с плиты, выставила ее перед собой щитом. Олег попятился по узкому коридорчику в сторону прихожей, запнулся обо что-то, чертыхнулся. Марина вздрогнула от звука захлопнувшейся двери, осела на стул, прижала к груди ненужную уже сковородку. Ну вот, можно наконец и поплакать. Ну же! Все порядочные жены в такой момент плачут! А она сидит, как идиотка, обнимается с кухонной утварью. И зря, между прочим, обнимается. Костюмчик-то не успела снять. От сковородки могут и пятна остаться. Надо пойти, переодеться, что ли? И умыться заодно? А потом уж поплакать? А еще лучше — под душ залезть. Точно. Она будет стоять под душем, и упругие водяные струи будут смывать слезы с ее лица. Она как-то видела такой сюжет в мелодраматической киношке. Красиво было. Очень романтично. Поэтика страдания. Вот только бы встать, дойти до ванной. Только сил совсем не осталось. Все тело будто свинцом налилось. И дышать трудно. И в кухонном пространстве будто звон стоит. Нет, не звон, а гул. Тихий, тяжелый. Наверное, имен-

Свободна от обязательств

но так и должен звучать первый вечер женского одиночества?

В ванной Марина выползла из одежды, как ящерица из надоевшей шкурки. Серый твидовый пиджак распластался ничком у ног, смялся в горестную складочку, будто онемел от унижительного к нему пренебрежения. И впрямь, онемеешь тут. Он же к другому отношению со стороны своей хозяйки привык, к безукоризненному. Чтоб на плечиках, чтоб в шкафу, где так хорошо пахнет лавандой, чтоб щеточкой по утрам.

Забравшись в ванную, Марина строго глянула на себя в зеркало. Как ей показалось, другими глазами. Повернулась боком, еще раз глянула. Нет, она еще ничего себе. И талия есть, и линия бедра не подкачала, и целлюлитом тело не так уж чтобы очень оскорблено. А лицо... Лицо, конечно, ужасное. Не в смысле возраста — она всегда моложе своих лет выглядела. Порода у нее такая была, папина. Долго не стареющая. Просто лицо унылым было, серо-зеленым, с темными разводами под глазами. И сами глаза смотрели из зеркала так, будто она в ванную забралась не душ принять, а по меньшей мере вены себе резать. И волосы обвисли по краям жалкими прядка-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ми, будто сроду хорошей укладки не знали. Нет, надо скорее включать воду, сильно горячую, упругую, чтоб обожгло, чтоб разогнало всю кровь.

Горячей воды в кране не оказалось. Очередная опрессовка нагрянула. Марина с возмущением крутила кран и так и эдак, но он только фырчал обиженно отголосками пустых сливных труб. Вот так вот. Приехали, называется. В последнюю точку отчаяния. Марина вдруг увидела себя со стороны — голую, несчастную, замерзшую и душой, и телом. И заплакала наконец. Сидела в холодной ванне и тряслась от холода и от накативших волной слез. Такое вот получилось ледяное отчаяние. В неприкрытом виде. То есть в абсолютно голлом. Можно было еще и головой о кафель побиться, но голова и без того болела нестерпимо. Нет, голову и впрямь было жалко. Завтра ж на новую работу выходить! Как она туда пойдет, с разбитой головой?

Икая от слез и отчаянно жалея себя, так и не согревшемуся, Марина кое-как выползла из ванной, закуталась в махровый мужнин халат. Мельком подумалось: надо же, халат забыл. Ничего толком и до конца сделать не может, даже от жены уйти. И бритвенный станок за-

Свободна от обязательств

был, и воду туалетную на полочке. Дорогую, французскую. Ничего, Настя ему новую купит. И пусть, и пусть... А она сейчас горячего чаю напьется, согреется и спать завалится. Или поесть надо? Надо, наверное. Тем более ужин у нее готов, она со вчерашнего вечера котлет нажарила. Мясо — это хорошо. Говорят, когда сильно нервничаешь, надо обязательно мяса поесть.

Занявшись привычными ежевечерними хлопотами с ужином, Марина и сама не заметила, как перестала плакать. В голове было гулко и пусто, руки делали привычную работу. Ну вот, стол накрыт, можно сесть и накормить свой истощенный стрессом организм. Уже поднеся ко рту кусок горячего сочного мяса, Марина с удивлением уставилась на тарелку на другом конце стола. Что это? О господи, она же на двоих накрыла. Чисто автоматически. На себя и на Олега. Черт, черт! Нет, это уже невозможно вытерпеть. Когда этот проклятый день соизволит наконец закончиться? Издевательство над брошенной женщиной, а не день! И снова горло спазмом перехватило.

Однако заплакать Марина не успела — телефонный звонок помешал. Это мама, навер-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ное. Который сейчас час? Половина десятого? Ну точно, мама. Она всегда в это время звонит. Изо дня в день. Когда очередная серия новорусского мыльного действия заканчивается. Говорить ей или не надо? А почему, собственно, нет?

— Да, мам, привет, — выдохнула Марина в трубку и сама испугалась своего слезно-хныкающего голоса. Да по одному голосу сразу ясно было, что у нее тут ситуация — из ряда вон.

— Господи, доченька, что случилось? Почему ты плачешь? С Машенькой что-то? С Олегом? Говори быстрее, иначе у меня инфаркт будет! — почти заголосила в трубку мама. Марине даже показалось, что она увидела ее лицо в этот момент — не то чтобы сильно испуганное или огорченное, а скорее недовольное. У меня, мол, сердце больное, а вы меня своими неприятностями совсем до могилы довести хотите.

— Да не бойся, мам. Ничего особенного. Все живы и здоровы. Просто от меня Олег ушел.

— Как — ушел? Куда — ушел?

— Сама знаешь, куда мужья от жен уходят.

— О господи... Только этого мне еще не хватало!

Свободна от обязательств

— Мам, а почему ты говоришь — «мне»? Вроде как проблема-то не твоя? — стараясь удержать в себе удивленную обиду, тихо проговорила Марина. — Это ж мой муж ушел. Вроде моя проблема-то.

— Ага, как же, твоя. Ты хоть понимаешь, чего ты меня лишила?

— Чего, мам?

— Спокойной пенсии, вот чего! Нет, я знала, я всегда подозревала, что ты со мной чего-нибудь подобное вытворишь.

— Мама! Я прошу тебя, мама! Не надо сейчас так со мной разговаривать! — почти провыла в трубку Марина, уже жалея, что рассказала обо всем матери. — При чем тут твоя пенсия, мама?

— Перестань! Хватит плакать! Терпеть не могу, когда ты плакаешь!

Услышав знакомое и ненавистное с детства слово, Марина лишь горько усмехнулась. Да, давно она от мамы этого «не смей плакать» не слышала... В понятие это — «плакать» — у мамы входило все: и дочкины слезы, и непокорная ее строптивость, и собственное мнение, и вообще по-маминому получалось, что она всю свою сознательную жизнь только и делает, что

ВЕРА КОЛОЧКОВА

«плачет». То есть ведет себя совсем не так, как хотелось бы маме.

— Хорошо, мам, я не буду плакать. Мне вообще сейчас не до этого. Считай, что я просто поставила тебя в известность, и все.

— Ага, в известность она меня поставила. Спасибо, дочь. Спасибо, что лишила заслуженной старости. Вернее, ее смысла.

— Как это? Не поняла? А какой у старости может быть смысл? То есть... Нет, я хотела сказать, что ты еще не...

— Ладно, обойдусь без дочерних реверансов. А насчет смысла я тебе так отвечу: смысл любой старости заключается в благополучии детей. Поняла? Старикам только тогда хорошо, когда у детей все ладится. А если от детей покоя нет, то и старости, считай, нет.

— А я что, твой покой нарушила, мам? Я на шею тебе села? Я молодая, здоровая, зарабатываю хорошо.

— Да при чем здесь — молодая и здоровая? Все брошенные мужьями женщины тоже молодые и здоровые. Я же не в этом смысле! Тут дело не в деньгах и не в здоровье, а в ощущениях. Когда женщина-дочь с семьей не устроена, она по определению уже выпадает из ряда счастливых и успешных. Это же ясно как

Свободна от обязательств

божий день. Нет, ты меня убила, совершенно убила.

— Прости, мам. Я нечаянно. Я больше так не буду, — с сарказмом проговорила Марина.

Но мама, казалось, сарказма в ее голосе во все и не заметила.

— Значит, так... Я вот что сделаю, Мариночка. Я работать пойду. Я, как ты утверждаешь, еще не совсем старая, меня еще на работу возьмут...

— Да не надо, мам! Ты что? Зачем? У тебя сердце больное!

— Молчи. Я знаю что говорю. Нам с тобой еще Машеньку в институте учить надо, потом замуж ее отдавать... Бог с ней, с пенсией. Я тебе помогать должна.

— Не надо мне помогать, мама. Я сама с Машкиным образованием и замужеством прекрасно справлюсь. Да и Олег поможет.

— Ага! Поможет он! Как же, жди! Ты чего, совсем наивная? Твой отец, когда от меня ушел, много тебе помогал? Ну скажи? Много?

Так. А вот на эту тему выкруливать совсем не стоит. Опасно. Тема эта даже за давностью лет пока не утратила своей злободневности. И если мама, не дай бог, на нее свернет, то...

— Ой, мамочка, извини! Извини, ради бо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

га, у меня мобильник в сумке надрывается! Наверное, Машка звонит! Да, и вот еще что: если Машка тебе будет звонить, ты ей не говори ничего, ладно? Ну все, пока, целую! — жизнерадостно пропела в трубку Марина и торопливо нажала на кнопку отбоя. Все, хватит. Поговорили, и будет. На сегодня с эмоциями уже перебор. Надо доесть котлеты, выпить чаю и спать, спать. Завтра новый день, новая работа. И новая жизнь. Пусть со вкусом одиночества, но все равно — новая.

* * *

— Слушай, а ничего квартирка-то! Если здесь уют навести, то вполне даже...Тебе нравится, Настеньш?

— Да, нравится. Мне все, что с тобой связано, давно уже нравится.

Настя по-кошачьи пролезла Олегу под руку, заглянула в лицо снизу вверх, потом потерлась лбом о его колючий подбородок:

— Олег, мне даже не верится. Мы и правда теперь будем вместе?

— Правда, Настеньш.

— Всегда-всегда? До самой смерти?

— Ага. Как в сказке. Они полюбили друг